

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

повествующая о том, как Царь драконов нарушил волю неба и как сановник Вэй-чжэн отправил письмо в Царство мрака

Мы не будем пока говорить о том, как Чэнь Гуан-жуй справлялся со своими обязанностями и как Сюань-цзан занимался самоусовершенствованием, а расскажем здесь лишь о двух мудрых людях, которые жили на берегу реки Цзинхэ, в предместье города Чанъань; о рыбаке Чжан Шао и о дровосеке Ли Дине. Оба они отличались ученостью, хоть никогда не держали государственных экзаменов и были просто крестьянами-грамотеями. Однажды они пришли в Чанъань, один — с вязанкой дров, другой — с корзиной карпов. Продав свой товар, друзья заглянули в кабачок и изрядно выпили, а затем, захватив с собой еще по бутылке вина, спокойно отправились в обратный путь вдоль берега реки Цзинхэ, ведя тихую беседу.

— Дорогой брат Ли, — молвил Чжан Шао, — мне кажется, что люди, которые гонятся за славой и выгодой, только губят себя. Ведь получить высокий титул все равно что с закрытыми глазами броситься в объятия тигра, а уж принять чьи-либо благодеяния не лучше, чем положить змею в собственный рукав. Как вспомнишь обо всем этом, так и подумаешь, что лучше нашего с тобой привольного житья нет. Мы живем среди гор, на берегу реки, можем любоваться красотами природы и гулять, когда нам вздумается, мы довольствуемся своей скромной участью: чем богаты, тем и рады.

— Твои слова вполне справедливы, — дорогой Чжан, — отвечал на это Ли Дин. — Но скажу тебе, что жизнь у воды все же не так хороша, как в горах.

— Ну, это ты не говори, — запротестовал Чжан Шао. — Красоту гор никак нельзя сравнить с пейзажем реки. Вот послушай, о чем говорится в стихах из сборника «Де-люань-ху»:

В туманных пространствах струящихся вод

Челнок, словно маленький листик, плывет;

И я под навесом сижу, одинок,

Покой охватил и меня и челнок.

И песня красавицы где-то слышна...

Мне кажется, слава уже не нужна,

Корысть и расчеты — ничто для души,

Блаженствуешь здесь, где шумят камыши.

И радостно чаек приморских считать,

К заросшему берегу тихо пристать,

Где встретят и дети тебя и жена,

Закроешь глаза — все лепечет волна;

О славе, бесславье не думаешь ты,

Далекий от тщетной мирской суеты.

— И все же твоим водным просторам далеко до моих гор, — настаивал Ли Дин. — Если хочешь, я тоже могу прочитать тебе стихи из того же сборника:

Где к облакам леса устремлены,

Заметна крона гордая сосны;

Стоит в лесу дремучем тишина,

И только песня иволги слышна.

Как флейта — звуки песенки лесной,

И мир окутан теплою весной.

Одела зелень ветви и кусты,

И всеми красками цветут цветы.

Но не замедлит летних дней приход...

Вот снова наступает поворот,

И, подбираясь, осень входит в сад,

Цветы желтеют, льется аромат.

Покой и радость чувствуешь тогда,

А там уже подходят холода,

В зиме ты удовольствие найдешь.

Так — беспечально круглый год живешь.

Никто, вмешавшись дерзостной рукой,

Не станет мирный нарушать покой.

— Никак твои горы не могут быть лучше моего водного царства, — стоял на своем рыбац. — Ничего полезного там не найдешь. Вот что говорится об этом в стихах из сборника «Чжэгутянь»:

В стране бессмертных облака

И чистая вода
Для жизни нужное дают —
Питье в них и еда.
Послушным
Я гребу веслом,
Мне лодка
Заменяла дом.
Зажариваю черепах,
Креветок я ловлю
Камыш, и водяной орех,
И лотос я хвалю.
Пусть многолетний лотос вновь
Побег живой дает!
Прекрасны лотоса цветы
На светлом лоне вод.

— Да разве можно сравнивать твои воды с зеленью моих гор! — воскликнул дровосек. — В сборнике «Чжэгутянь» также говорится о многих полезных предметах, которые можно найти в горах. Вот послушай:

Высокие горные пики
Стремятся кругом в синеву,
Я в хижине, крытой травой,
Средь гор и ущелий живу.
Солю для себя куропаток,
А мясо гусей и свиней
Намного, конечно, креветок,
И крабов, и рыбы вкусней.
Какая же прелесть — побеги,

Съедобные листья, му-юй,
Пурпурные сливы и груши!—
Похваливай их да ликуй!

— Нет, уж ты не сравнивай свои горы с моей водой, — не сдавался рыбак. — Вот послушай-ка, что говорят об этом стихи из сборника «Тяньсяньцзы»:

Плыву на маленьком челне,
А надо отдохнуть,
Где захочу — остановлюсь,
И не боюсь ничуть.
Пусть за волною чередой
Опять идет волна,
Заброшу сеть, и без приправ
Уха для нас вкусна.
На трапезу садится в круг
Со мной моя семья:
Богатый свой улов всегда
Продам в Чанъани я.
На выручку куплю вина,
И вдрызг я буду пьян,
И одеялом старый плащ
Послужит мне в туман
А по ночам я крепко сплю,
Не ведая забот,
За знатностью я не гонюсь,
Не нужен мне почет.

— И все же твоя вода не может идти ни в какое сравнение с Моими горами, — не унимался дровосек. — Вот послушай, что говорится в том же сборнике «Тяньсяньцзы»:

У самого подножья гор
Я хижину сложил;
Пошло на все мое жилье
Лишь несколько стропил
Хожу я много по горам,
Валежника ищу...
Кому ж входить в мои дела? —
Да я и не пущу!
Я сколько захочу, продам
Валежника и дров,
И я по рыночной цене
Отдать товар готов.
На выручку могу купить
Дешевого вина,
Чтоб выпить, если захочу,
Когда душа полна
Я чайник глиняный припас,
И чашка есть со мной,
Напьюсь и завалюсь я спать
Спокойно под сосной.
И до меня ни у кого
На свете дела нет,
И безразлично мне, что там —
Упадок иль расцвет.

— Дорогой брат Ли, да как же ты можешь говорить, что жить в горах привольнее, чем у воды. Вот послушай, что говорится по этому поводу в сборнике «Сицзянюэ»:

Красные заросли

В дивных цветах, —
Под сияньем луны,
Желтый камыш
Покачнулся
Над зыбью волны.
Небо Чунцзяна
Бездонно;
На зыби волны
Звезды небесные
В заводи
Отражены.
В лодке сижу я,
И мелкая рыба
Клюет,
Стаями крупная рыба
В мой невод идет.
Щедрый улов, — и уха —
Мой сегодняшний пир.
С тихой усмешкой
Жалею
Мятущийся мир.

— Ну, если говорить о приволье, брат Чжан, так жизнь на воде не может равняться с жизнью в горах. В доказательство этого я приведу тебе стихи из того же сборника «Сицзянюэ»:

Уже застилают дороги
Сухие лианы,
Бамбука валяются всюду
Сухие верхушки;

Чтоб связывать хворост,
Из трав я сплетаю веревки,
И цапля стоит
Средь увядшей листвы —
На опушке.
Червь точит у ивы
Глубоко ее сердцевину,
И ветер ломает
Сосновые ветки и кружит...
Валежник продам,
Часть его на вино обменяю,
И зиму я встречу теперь
И дыхание стужи.

— Ну, может быть, у тебя в горах и неплохо, — промолвил рыбак, — но там не найдешь ни покоя, ни красоты, которыми славится вода. Вот послушай, что об этом говорится в стихах «Линьцзянсянь»:

С отливом челнок
Возвращается мой,
И еду я с песнями
Ночью домой.
В плаще травяном.
При ущербной луне,
Как в платье волшебном,
Плыву по волне.
Но чайка спокойно
На отмели спит,
Ее не пугает
Мой сказочный вид.

Прозрачен, лишен облаков

Небосвод;

Я сплю в камышах

Без житейских забот.

Уж солнце в зените,

По-прежнему сплю.

На что променяю

Я долю свою!

Министр, приходящий

К царю на прием,

Стесненной меня

В положение своем.

— Ну, где уж покою и уединению твоих речных просторов сравниться с тишиной моих лесов?
Послушай-ка в доказательство стихи из того же сборника:

В осенний лес пошел я с топором,

Вязанку дров принес домой потом,

И в волосы воткнул цветок полей, —

Особенность наружности моей!

В туманах горных я искал проход.

Луна взошла — и вот я у ворот.

Бегут навстречу дети и жена,

И радости семья моя полна.

На ложе я соломенном лежу,

Под голову чурбанчик подложу;

Уже дымится на столе пшено,

И молодое пенится вино,

Поистине, какая благодать!

Какой покой! Чего еще желать!

— Ну, ладно, пока мы говорили только о наших занятиях и о том, чем мы богаты, — сказал тогда рыбак. — Но вот часы досуга ты не можешь проводить так прекрасно, как я.

В свободное время люблюсь
На белого аиста я,
И лодку свою оставляю,
Вернувшись домой, у ручья.
Ворот закрываю я створки,
Вхожу по-хозяйски в свой дом,
Сажусь под навесом, — и сына
Знакомлю с моим ремеслом.
Устал я от гребли, и сети
Сушить помогает жена,
Душа успокоилась так же
Как в речке утихла волна.
Все тело мое отдыхает,
Под ветром смиряется зной;
К услугам моим постоянно
И шляпа и плащ травяной;
И если об этом подумать,
То здравым рассудком поймешь,
Что лучше такая одежда
Парадного платья вельмож.

— Ну нет, об этом могу еще с тобой поспорить и в доказательство тоже приведу стихи:

Я в свободные минуты
Облаками очарован;

Закрываю двери дома
И сижу один, взволнован,
И даю советы сыну,
Предлагаю наставленья;
Вместе с сыном мы читаем
Знаменитые творенья.
А когда бывают гости,
В шахматы играю с ними,
И брожу с веселой песней
Я тропами полевыми.
А когда на сердце радость,
Лютню я беру с волнением,
Восхожу на холм зеленый,
Там играю с упоением.

— Дорогой Ли Дин, — сказал наконец Чжан Шао, — зря мы спорим с тобой. Нельзя же сравнивать сандаловое дерево с золотым сосудом для вина. Однако мы занимаемся только лишь литературными упражнениями, а это ведь не такое уж трудное дело. Каждый из нас может, не задумываясь, сложить собственные стихи. Давай поговорим о наших занятиях собственными стихами и посмотрим, что из этого получится.

— Вот это замечательно, дорогой брат Чжан, — воскликнул Ли Дин. — Так начинай же:

Стал на зеленой воде
Мой челнок,
Дом мой в горах
И от речки далек.
Больше всего я
В сторонке моей
Мостик люблю
Через горный ручей.

И подымается
В сердце тоска,
Если плывут
Над горой облака.
Радуюсь я
На хороший улов;
Рыбу варить я
И жарить готов.
Невод и удочки
Будут меня
Сытно кормить
До последнего дня.
И с коромыслом, с веревкой
Нигде
Не пропаду я
В жестокой нужде.
С лодочки
Долго слежу я своей
За перелетами
Диких гусей.
Как-то я шел
По тропинке лесной,
Стон лебединый
Звучал надо мной.
Мирно живу я
От дрызг в стороне,
Правда и кривда
Остались вовне.

Сеть я развесил
В кустах, как парчу;
Острый топорик
На камне точу.
С удочкой длинной
Сижу над волной,
Тихо сижу
Под осенней луной.
Пусто в горах
И во время весны;
Горы особой
Полны тишины.
Если же сеть моя
Рыбой полна,
Я покупаю
На рынке вина.
Пью понемногу
С женою своей;
Хворост продам —
Угощаю детей
Все в моей воле:
Захочется пить,
Можно и милых
Друзей угостить.
Весело нам:
Соберемся и пьем,
«Братьями» все мы
Друг друга зовем.

Часто зовем
На пирушку свою
И дровосеков старейших
Семью.

Чаша застольная
Ходит кругом,
В игры играем
И песни поем.

Крабами мы
Угощаем гостей,
Вдоволь нажарим
Мы диких гусей.

Чаю для нас
Приготовит жена,
Льется беседа друзей
Допоздна.

Если жена
Приготовит обед,
Больше забот
У хозяйюшки нет.

А на заре
Я свой посох беру,
Радуюсь легким волнам
Поутру.

Солнце восходит,
С вязанкою дров
Улицы города
Мерить готов

В дождь надеваю
Накидку свою,
Карпов живых
Я на речке ловлю.
Ветер подыметя,
С песней простой
В лес я иду
И рублю сухостой.
Имя скрываю,
Держусь простаком —
Глухонемой
В окружение мирском.

— Ну что ж, дорогой Ли, — промолвил Чжан Шао. — Я начал и сложил свои стихи как мог, теперь твоя очередь, а потом снова я буду продолжать.

О, как прекрасен этот вид,
Величья наших гор!
Рыбак я старый, и люблю
Родную ширь озер.
Свободная, простая жизнь
На долю мне дана,
От всех раздоров я далек —
На сердце тишина.
В соломенном своем жилье
Спокойно, крепко сплю,
А на рассвете старый плащ
Напялю и встаю.
Лишь сливы дикие в горах

Да сосны — мне друзья,
И независим я и горд,
Забыл о прошлом я.
Средь белых цапель день идет,
Средь чаек на волне,
Уже ни слава, ни корысть
Не докучают мне.
И гулом боя не смутит
Жестокая война;
Как только захочу — налью
Душистого вина.
Три раза в день вкушаю я
Полей простую снедь.
Две связки хвороста нужны,
Чтоб мне не умереть.
Удилище и леска — снасть,
Что кормит с давних пор;
Порою детям я велю
Мне наточить топор.
Порою сыну прикажу,
Чтоб починил он сеть...
А как мне нравится весной
На тополя смотреть!
Мне летом радует глаза
Цветенье камыша:
На выращенный мной бамбук
Любуется душа.
Ешь летом водяной каштан

И вкусен этот плод,
А осень куропаток нам
С собою принесет.
В девятом месяце, глядишь,
И раки подрастут;
Потом зима придет — и с ней
К нам холода придут.
Бывает, солнышко взойдет,
А я все сплю да сплю,
Оно уже не хочет греть,
Вот я и не встаю.
В любое время года мне
В горах легко везде,
И никогда не тягочусь
Я жизнью на воде.
Вязанку хвороста связав,
Повеселюсь я всласть;
До мира мне и дела нет,
Когда заброшу снасть.
Как небожитель счастлив я,
Прекрасна жизнь моя,
Когда тихонько по воде
Скользит моя ладья.
С тремя сановниками я
Меняться б не хотел.
Сильнее крепости мой дух,
Надежен мой удел.
А крепость ждать врагов должна,

И высшие чины

Другим чинам, иным князьям

Еще подчинены.

Поклонник я и вод и гор —

Ценнейших этих благ.

Хвала и небу и земле

За каждый день и шаг!

Так, напевая песенки и складывая новые стихи, они дошли до того места, где пути их расходились, и стали церемонно раскланиваться, прощаясь друг с другом.

— Береги себя, дорогой брат, — промолвил на прощанье Чжан Шао. — Особенно остерегайся в горах тигров. Случись какая беда, и, как говорится, «назавтра у меня будет одним другом меньше».

— Ах ты негодяй этакий! — рассердился Ли Дин. — Хороший человек сам готов жизнь отдать за друга, а ты что говоришь? Если я погибну от тигра, — то ты-то непременно перевернешься с своей лодкой и утонешь в волнах.

— Ну, уж этому не бывать, — отвечал Чжан Шао.

— Пословица говорит: «Счастье изменчиво, как погода». Как же ты можешь утверждать, что с тобой ничего не случится? — удивился Ли Дин.

— Дорогой Ли, говорить-то ты говоришь, а сам ничего не понимаешь. Что же касается моего дела, так я твердо уверен в том, что ни в какую беду никогда не попаду.

— Да ведь рыбацкий промысел — занятие очень опасное и рискованное, — сказал Ли Дин. — Ни в чем нельзя быть уверенным. Почему же ты так уверен в себе?

— Ты, видно, не знаешь, — отвечал на это Чжан Шао, — что у Западных ворот города живет один прорицатель. Я каждый день преподношу ему золотого карпа, а он из своих волшебных рукавов каждый раз преподносит мне определенное предсказание. Он еще ни разу не ошибся. Сегодня я тоже ходил к нему. Он велел мне забросить сети к востоку от залива на реке Цзинхэ, а на западном берегу расставить переметы и предсказал богатый улов. И вот завтра, когда я продам рыбу в городе, мы с тобой, брат, снова выпьем и потолкуем.

На этом они и расстались. Однако не зря говорит пословица: «Что говорят на дороге, то слышит человек в траве». Случилось так, что в тот момент, когда друзья разговаривали, поблизости находился дозорный Якша. Услышав о том, что гадалщик никогда не ошибается в

своих предсказаниях, он тотчас же ринулся в Хрустальный дворец и поспешил с докладом к Царю драконов.

— Беда! Беда! — закричал он.

— Что случилось? — спросил Царь драконов.

— Когда я обходил с дозором, — отвечал Якша, — то очутился около берега и услышал, как разговаривали рыбак с дровосеком. И вот, когда они расставались, я услышал нечто ужасное. Рыбак говорил о том, что в Чанъане, у Западных ворот есть гадалщик, который очень верно предсказывает. Этот рыбак каждый день дарит ему карпа, а гадалщик гадает ему и всегда правильно. Если так будет продолжаться, наше водное царство скоро погибнет. Как же мы можем теперь спокойно жить? Как можем будоражить волны и поддерживать могущество великого царя?

Услышав это, Царь драконов рассвирепел, схватил меч и хотел уж было броситься в Чанъань, чтобы разом покончить с дерзким гадалщиком, но тут к нему подоспели его сыновья и внуки, криветки-сановники, крабы-воины, рыбы-военачальники и еще многие чины водного царства.

— Не гневайтесь, великий царь, — успокаивали они его. — Ведь в пословице говорится: «Нельзя верить всем слухам». Если вы отправитесь в город, за вами понесутся облака, пойдет дождь, вы только перепугаете народ, и люди будут жаловаться на это небу. Уж лучше пустите в ход волшебство, ведь вы обладаете способностью превращения и можете явиться в Чанъань под видом ученого. Там вы разузнаете все подробно и, если то, что вам рассказали, — правда, вы немедленно уничтожите гадалщика. А вдруг все это ложь, тогда было бы несправедливо причинять вред невиновным.

Царь драконов послушался и отбросил меч. Не собирая туч, не вызывая дождя, он вышел на берег, сделал магическое заклинание и, встряхнувшись, превратился в молодого ученого, одетого в белую одежду.

И поистине:

Он, поднимаясь в поднебесье,

Величественный вид хранил.

Мэнцзы, Конфуцию подобно,

О нравственности говорил.

На нем халат был цвета яшмы,

Отличный шелковый халат;

И вдруг толпа пред ним предстала

У Западных Чанъаньских врат.

Прибыв к Западным воротам города Чанъань, он увидел толпу, которая шумела и толкалась. Посредине толпы кто-то важно разглагольствовал:

— Тому, кто родился под знаком дракона, будет сопутствовать благополучие. Того, кто родился под знаком тигра, постигнет несчастье. Созвездия Близнецов, Льва, Девы и Рыбы, хоть и собраны вместе, однако для них есть один страшный властелин — это дух Юпитера.

Царь драконов понял, что это как раз и есть предсказатель, и протиснулся вперед. Что же он увидел:

И угломер и четки были там,
Развешаны по четырем стенам,
Там вышивки искуснейшие были,
Хранилась чистая вода в бутылки.
Курился драгоценный аромат,
Ван Вэя живопись пленяла взгляд;
Висело там Гуй Гу изображение,
Стояло для учителя сиденье.
Тушница с тушью дымно-золотой
И кисточки блистали красотой;
Гаданье Го-Бу правил было строгих.
Покоилось оно на знаньях многих —
Шестерки знаков и восьми триграмм —
Учитель в этом разбирался сам.
И злых и добрых духов заклинанье
Входило в это мудрое гаданье.
Учитель знал движение светил,
О прошлом без ошибки говорил,
И лунное волшебное зеркало
Грядущее послушно отражало

И мог он тайным знанием прочесть,
Что ждет в грядущем — гибель или честь.
Предсказывал и смерть он и рожденье,
И дождь, и зной, и ветра измененье,
Одной запиской трепет наведя,
Он ждал от духов ведра иль дождя.

На вывеске было написано: «Предсказатель ученый Юань Шоу- чэнь».

Здесь следует сказать вам несколько слов об этом человеке. Он приходился дядей Юань Тяньгану, императорскому цензору, и обладал поистине необыкновенной внешностью. Он был статен и красив, благодаря своему искусству прославился по всей стране и считался непревзойденным прорицателем в Чанъане.

Войдя в помещение, Царь драконов поклонился предсказателю. Когда же церемония была закончена, хозяин пригласил гостя сесть и приказал подростку-слуге подать чай.

— По какому делу вы прибыли? — осведомился хозяин.

— Я хотел попросить вас погадать о том, какая будет завтра погода, — отвечал ему Царь драконов.

Предсказатель вытащил из рукава кости, стал гадать и наконец промолвил:

Лес покрыла пелена тумана,
В облаках и скалы и обрывы.
Хочешь знать о завтрашней погоде —
Будет завтра хмуро и дождливо.

— А в какое время пойдет дождь и много ли воды прольется на землю? — допытывался Царь драконов.

— В час дракона тучи заволокут небо, в час змеи грянет гром, в полдень польет дождь и будет он идти до часа овцы, а выпадет его всего три чи, три цуня и сорок восемь дяней.

— Так вот что я тебе скажу, только без шуток, — выслушав его, рассмеялся Царь драконов. — Если завтра сбудется все, как ты предсказал, я преподнесу тебе в награду пятьдесят лян

золота. Если же дождя не будет или хоть одно из твоих предсказаний окажется ложным, предупреждаю тебя, я разнесу все, что здесь есть, разломаю твою вывеску, выгоню тебя из города и не позволю больше обманывать простой народ!

— Пожалуйста, пожалуйста, — охотно согласился предсказатель. — Вы можете ставить любые условия, какие вам угодно. Завтра после дождя мы с вами встретимся.

Расставшись с предсказателем, Царь драконов покинул Чань-ань и вернулся к себе во дворец. Здесь его встретили все обитатели дворца от мала до велика и начали расспрашивать о том, что узнал он, посетив предсказателя.

— Да, там действительно есть такой человек, но это просто болтун. На мой вопрос, когда будет дождь, он ответил, что завтра. А когда я пожелал узнать, в какое время и сколько выпадет дождя, он подробно рассказал, когда появятся тучи, когда ударит гром и сколько точно выпадет дождя. Тогда я заключил с ним уговор: если сбудутся все его предсказания, я подарю ему пятьдесят лян золота, если же хоть что-нибудь будет не так, я разнесу все его заведение, а его самого выгоню из города, чтобы он больше не обманывал народ.

Выслушав царя, все рассмеялись.

— Ведь вы — повелитель восьми рек, — промолвили они, — и Дракон дождя подвластен вам. Будет дождь или не будет — зависит только от вас. Как же смеет этот предсказатель болтать подобные глупости. Он наверняка проиграет!

Но в этот момент с неба вдруг раздался голос, который повелевал Парю драконов принять высочайший указ. Все как один подняли голову и увидели небесного посланца в золотых одеждах. Он прибыл во дворец с указом Нефритового императора. Встревоженный Царь драконов быстро привел себя в порядок, поспешил воскурить фимиам и лишь после этого принял указ. А посланец в золотой одежде вернулся на небо. Вознеся благодарность небу за оказанную ему милость, Царь драконов вскрыл конверт и прочитал указ. Там говорилось:

«Настоящим предлагается зладыке восьми рек собрать гром и молнии, отправиться завтра в город Чаньань и послать на его землю ливень».

Далее следовали указания о том, когда должен начаться дождь и сколько времени он должен идти, которые в точности совпадали с тем, что говорил предсказатель. Царь драконов был ошеломлен.

— Возможно ли, чтобы среди простых смертных был такой чародей, который проникал бы в законы неба и земли? — медленно, с трудом произнес он, немного придя в себя. — Как же его победить?

— Успокойтесь, великий царь, — промолвил тут полководец-рыба. — Вы легко можете одержать над ним верх. У меня есть небольшой план, прибегнув к которому мы сразу же

заставим замолчать этого мошенника.

И на вопрос Царя драконов о том, что это за план, полководец так отвечал:

— Надо только немного изменить время, когда пойдет дождь и количество осадков. Тогда предсказания гадалщика окажутся неправильными, и вы наверняка останетесь победителем. За вами сохранится полное право сорвать у него вывеску, а его самого выгнать из города.

Царю понравился этот план, и он немного успокоился.

На следующий день он призвал повелителей ветров и грома, молодых распорядителей облаками и мать молний, вместе с ними отправился в город Чанъань и расположился там на девятом небе. И вот, когда наступил час змеи, он опустил облака, в полдень выпустил гром, а с наступлением часа овцы вызвал дождь. Кончился дождь в час обезьяны, и выпало его всего три чи и сорок дяней. Таким образом он изменил время на одну стражу и уменьшил количество дождя на три цуня восемь дяней. После этого он распустил подвластных ему повелителей сил природы, опустился на облаке вниз и, приняв вид молодого ученого, отправился к дому предсказателя. Ворвавшись к нему, он без всяких разговоров сорвал и разбил вдребезги вывеску, а также уничтожил кисти, тушницу и остальные принадлежности гадалщика.

Между тем гадалщик продолжал невозмутимо сидеть в своем кресле, не выражая даже удивления. Тогда Царь драконов схватил створку дверей, взмахнул ею и приготовился бить гадалщика.

— Ты, гнусный волшебник, ты только и можешь наносить вред простым людям и смущать их сердца! Твое предсказание оказалось выдумкой и нелепой болтовней! И время дождя и его количество не совпадают с тем, что ты предсказывал, а ты еще сидишь с гордым видом, как ни в чем не бывало! Немедленно убейся отсюда, если хочешь остаться живым!

Однако Юань Шоу-чэн продолжал сидеть, не выражая никакого страха. Наоборот, устремив взор на небо, он холодно усмехнулся и ехидно сказал:

— А я ничуть тебя не боюсь! Я не совершал никакого преступления, которое следовало бы покарать смертью! А вот ты совершил такой проступок! Ты можешь обманывать кого угодно, но меня провести тебе не удастся! Мне известно, что ты вовсе не ученый, а Царь драконов из реки Цзинхэ. Ты нарушил приказ Нефритового императора: изменил время и уменьшил количество выпавшего дождя, установленного небом. Боюсь, как бы тебе не пришлось кончить свою жизнь на плахе для казни драконов. А ты, несмотря ни на что, осмеливаешься еще приходить сюда и браниться!

Когда Царь драконов услышал это, у него от страха даже волосы стали дыбом, створка дверей, которой он грозил ударить гадалщика, выпала из его рук. Он поправил на себе одежду и упал перед предсказателем на колени, восклицая:

— Дорогой учитель, не гневайтесь на меня! Я говорил все это в шутку! Да разве мог я подумать, что моя шутка будет воспринята как нарушение небесного приказа? Умоляю вас, простите меня. Если же вы не поможете мне, то я и после смерти не дам вам покоя!

— Сам я не в силах сделать что-либо для тебя, — отвечал на это Юань Шоу-чэн. — Но я могу указать тебе путь, который поможет тебе остаться в живых и снова переродиться.

— Я выполню все, что вы мне скажете! — с готовностью промолвил дракон.

— Тебя должны предать смерти завтра в полдень, — сказал тогда гадалщик. — Главным распорядителем во время казни назначен сановник Вэй-чжэн. Так вот, если хочешь спасти свою жизнь, немедленно отправляйся к императору Танов — Тайцзуну, у которого этот сановник состоит министром. Если император прикажет ему проявить милосердие, ты спасен.

Выслушав предсказателя, Царь драконов простился с ним и ушел, едва сдерживая слезы.

В это время огненно-красный диск солнца уже опустился за горизонт, и на небе засверкала луна.

Вы только взгляните:

В долинах расстилаются туманы,

А горы сделались пурпурно-алы.

В гостинице ночлега ищет путник,

И вороны домой летят устало.

И гусь дикий, молодой, отстав от стаи,

Здесь отдыхает на песке нагретом,

На небе Млечный Путь блеснул звездами,

И третью стражу отбивают где-то.

Вот огоньки мелькают одиноко

В далеком и заброшенном селенье.

Спят бабочки и улицы безлюдны,

И нет в домах ни шума, ни движенья.

В буддийском храме дым из труб выходит,

По ветру вьется смутной пеленою,

И тень цветов проходит по решетке,
Освещена спокойною луною.
Мерцают звезды; полночь над вселенной, —
Страж ночи происходит смена.

Царь драконов реки Цзинхэ не вернулся в свое водное царство. Он продолжал оставаться в воздухе до тех пор, пока не наступил час крысы. Тогда он привел свои волосы и бороду в порядок и очутился как раз перед императорским дворцом. А в это время императору приснилось, что он вышел из дворца погулять в тени цветущих деревьев и вдруг увидел Царя драконов, в образе человека, который выступил вперед и опустился перед ним на колени.

— Спасите меня, ваше величество! Помогите! — произнес он.

— Кто ты такой? — спросил Тай-цзун. — Я, конечно, помогу тебе. — Ваше величество, — отвечал Царь драконов. — Вы — чистый дракон. Я же дракон, обреченный на смерть. Я нарушил указ неба и теперь должен быть казнен вашим сановником Вэй-чжэном. Вот почему я и обратился к вам. Умоляю вас, ваше величество, спасите меня.

— Если тебя должен казнить действительно Вэй-чжэн, то я помогу тебе, можешь не беспокоиться, — успокоил его император. Поблагодарив императора и отвесив ему земной поклон, обрадованный Царь драконов удалился.

Между тем, когда император проснулся, он отчетливо вспомнил все, что ему приснилось. И вот утром в пятую стражу и три четверти наступил час приема во дворце: сюда собрались все сановники, как гражданские, так и военные, и выстроились перед императорским тронном. Что за величественное это было зрелище!

Окутывал дворец, дымился фимиам,
Вздыхался аромат к последним этажам,
Блестели во дворце краснеющие окна,
И плыли облаков прозрачные волокна.
Такой же при дворе хранился ритуал,
Какой при Хань и Чжоу уставом строгим стал;
Такие ж, как при Яо, остались отношения —
Властителя страны, двора и населения.
На двери в виде ширм написан был павлин
И украшал дворец поставленный цилинь;

Фонарь дежурного, придворной дамы веер,
Казалось, смутный свет вносили в галереи.
Когда владыки вход был громко возвещен,
В одеждах пышных двор отдал ему поклон.
Сады кругом цвели, даря благоуханье,
А музыка была полна очарованья,
И над плотиною склонялись ветви ив,
Движение свое вплетая в тот мотив.
Все потонуло здесь в сиянии и блеске;
На золотых крючках висели занавески,
И шелка бирюза и скатный жемчуг штор,
Медали, ордена ошеломляли взор.
Дорога во дворце шла вверх, а то — в низину.
Сановники на ней стояли все по чину,
И, обвеваемый прохладой опахал,
Властитель той страны надменно проезжал.
Как небо и земля, империя стояла, —
Могуществом она и крепостью сияла.

Как только закончилась церемония приветствия, каждый сановник занял свое место. Император обвел величественным взором ряды своих сановников: перед ним выстроились знакомые ему именитые гражданские и военные чины, но среди них он не увидел Вэй-чжэна. Тогда он подозвал к себе сановника Сюй Ши-цзи и сказал ему:

— Сегодня ночью мне приснился необыкновенный сон. Будто я встретил одного человека, который, склонившись передо мной, сказал, что он Царь драконов реки Цзинхэ и что за нарушение воли неба должен быть казнен сановником Вэй-чжэном. Он умолял меня спасти ему жизнь, и я обещал ему помочь. И вот сегодня я почему-то не вижу Вэй-чжэна среди других сановников.

— Вэй-чжэна нужно вызвать во дворец, — сказал Сюй Ши-цзи, — и не отпускать целый день. Тогда дракон, которого вы видели во сне, будет спасен.

Император был очень доволен этим ответом, тотчас же приказал послать за Вэй-чжэном и

вызвать его во дворец. Между тем, когда Вэй-чжэн сидел ночью у себя дома и наблюдал за небесными явлениями, возжигая драгоценный фимиам, он вдруг услышал высоко в небе крик журавля. Это был посланец неба, прибывший к нему с указанием Нефритового императора. Этим указом ему предписывалось в полдень, во сне, казнить Царя драконов реки Цзинхэ. Сановник вознес благодарность небу за оказанную ему честь, принял обет поста и совершил омовение. Затем он проверил свой меч и решил собраться с душевными силами, вот поэтому он и не явился на прием к императору. Однако, когда к нему прибыл посланный с указом явиться ко двору, он даже встревожился, опасаясь, что навлек на себя гнев императора. Не смея больше задерживаться, он поспешил надеть парадные одежды и вместе с посланцем отправился ко двору. Представ перед императором, он отвесил земной поклон и принес свои извинения.

— Великодушно прощаю вас и не считаю, что вы совершили преступление, — промолвил император Танов.

И так как сановники все еще были на местах, последовал указ о том, что прием закончен и сановники могут свернуть свои свитки и разойтись. Император повелел остаться одному только Вэй-чжэну. Затем он приказал Вэй-чжэну пройти с ним во внутренние покои. Там они поговорили сначала о государственных делах, о вопросах умиротворения и укрепления государства, а когда время стало приближаться к полудню, император приказал принести шашки.

— Я хочу сыграть с сановником партию в шашки, — заявил император.

Присутствовавшие фрейлины тотчас же принесли шашки и приготовили столы для игры. И вот между императором и сановником началась борьба, которая перешла в настоящий бой. О такой игре и говорится в книге «Ланькэцзин»:

«В искусстве игры в шашки самым главным считается строгость и осторожность. Самым важным местом для развития действий считается центр доски, худшим — у ее бортов и средним ее углы. Это — общеизвестный закон для игроков в шашки. Закон этот гласит: лучше лишиться шашки, чем потерять инициативу. Когда бьешь влево — смотри направо, атакуя сзади — смотри вперед. Ибо случается, что, продвигаясь вперед, оказываешься позади, и, наоборот, отступая назад очутишься впереди. Когда два пункта твоих неуязвимы — не разрывай их. Если все пешки оказываются недоступными — не соединяй их. В ширину — позиция не должна быть слишком разреженной, а плотность ее не может быть слишком тесной. Не жалея шашек и не стремись к тому, чтобы все они были целы. Бывает так, что, пожертвовав ими, добиваются победы. Чем делать ход на безопасное или изолированное поле, лучше так укрепить позицию шашек, чтобы они могли поддерживать друг друга. Если противник силен, а твои силы незначительны, прежде всего обеспечить как следует безопасность своих шашек. Когда же ты достаточно силен, то смело разворачивай свою мощь. Не борись с тем, кто умеет побеждать; не вступай в бой с тем, кто искусен в построении позиций. Ты не сможешь поразить того, кто хорошо сражается, и не приведешь в смятение того, кто умеет переносить поражения. Ведь игра в шашки начинается с правильной расстановки и кончается удивительной победой. Когда противнику ничто не угрожает, а он усиливает сам себя — это значит, что он имеет намерение вторгнуться и прорвать твой фронт. Когда кто-нибудь не обращает внимания на мелочи и жертвует ими, — это значит, что он замыслил что-то более крупное. Беспомощен в стратегии тот, кто ставит шашки на доске как попало. Тот кто отвечает

на удар противника, не продумав своего хода, — обрекает себя на поражение».

Пусть это будет

Памяткой полезной:

Будь осторожным,

Словно ты над бездной.

А в стихах по этому поводу сказано:

Доска лежит,

Подобная земле.

Движенья шашек —

Звездные движенья,

Как мир, что созидают

Инь и Ян,

Тач совершенно их расположение

Отдельный ход

Едва приметен нам,

Вдруг вся игра

Пойдет ясней и чище,

Смеешься ты

И хвалишься потом,

Как отроки с Горы

Гнилого топорща.

Игра между императором и его министром продолжалась до полудня и вот, когда еще нельзя было говорить о том, кто победит, Вэй-чжэн вдруг склонил голову на край столика и тотчас же сильно захрапел.

— Сановник весьма утомлен делами благоустройства государства и нет ничего удивительного в том, что он задремал, — сказал улыбаясь император, и не стал будить Вэй-чжэна. Через некоторое время Вэй-чжэн проснулся и, поняв, что задремал, бросился к ногам императора, восклицая:

— Я тысячу раз заслуживаю смерти! Но я почувствовал вдруг какую-то усталость и сам не понимаю, как все это произошло. Умоляю вас, ваше величество, простить мне мою непочтительность!

— Встаньте! Ничего непочтительного вы не сделали, — отвечал на это император, — и, убрав с доски остававшиеся на ней шашки, предложил сановнику начать новую партию.

Вэй-чжэн поблагодарил за оказанную ему милость, но в тот момент, когда они снова расставили шашки и хотели продолжать игру, на улице вдруг раздался шум и в комнату вбежали полководцы Цинь Шу-бао и Сюй Мяо-гун, неся голову дракона, с которой капала кровь.

— Ваше величество! — воскликнули они. — Нам известно, что мелеют моря, что высыхают реки, но мы никогда не слышали о таких страшных вещах.

— Откуда вы это взяли?! — в один голос воскликнули император и Вэй-чжэн, вскочив со своих мест.

— Это упало из облаков, на перекрестке, в тысяче шагов от Южной галереи, — ответили в один голос Цинь Шу-бао и Сюй Мяо-гун, — и мы сочли необходимым тотчас же доложить вам об этом.

— Что все это может значить? — спросил взволнованный император, обращаясь к Вэй-чжэну.

— Это голова дракона, которого я только что казнил во сне, — склонившись перед императором, ответил Вэй-чжэн.

— Да как же вы могли казнить дракона, когда во время сна даже не шелохнулись и к тому же у вас не было при себе меча! — воскликнул изумленный император.

— Ваше величество, — отвечал Вэй-чжэн:

Несмотря на то, что тело

Оставалось в этом зале,

Был во сне в другом я мире,

Где меня вы не видали.

Хоть за столиком сидел я,

Это не было помехой,

Я в страну звезды Полярной,

Сев на облако, поехал.
Там дракон лежал на плахе,
Ожидая смертной казни
Увидав меня, заплакал
От печали и боязни.
Я сказал ему. «Ты неба
Нарушал предначертанья,
И казнить тебя я должен,
Выполняя приказанье».
А дракон все плакал горько,
Взгляд его был полон страха:
Шаг вперед тогда я сделал,
Меч я поднял для размаха.
Наконец, собравшись с духом,
Я ударил непреклонно, —
Вниз на землю покатилась
Голова того дракона.

Выслушав это, император был очень опечален и вместе с тем доволен. Он радовался тому, что пока при дворе есть такой отважный и преданный герой, как сановник Вэй-чжэн, то нечего беспокоиться за безопасность страны. Опечалило же императора то, что во сне он обещал спасти дракона, но так и не смог выполнить своего обещания. Наконец, придя в себя, император приказал вывесить голову дракона на базарной площади и оповестить об этом жителей города Чанъяня, а Вэй-чжэна вознаградил, после чего отпустил своих сановников.

Весь вечер император не мог освободиться от печали. Он все время вспоминал о том, как Царь драконов со слезами на глазах умолял его спасти ему жизнь, и вот получилось так, что он оказался не в состоянии предотвратить этого бедствия. Император так сильно переживал это событие, что в конце концов почувствовал себя совершенно больным.

В эту ночь, во вторую стражу, император вдруг услышал плач у ворот дворца, и это еще сильнее встревожило его. Позднее, когда он только задремал, он увидел перед собой Царя драконов реки Цзинхэ, который, держа в руках окровавленную голову, зывал к нему:

— Император Танов Тай-цзун! Верни мне мою жизнь! Спа- си меня! Вчера ночью ты говорил,

что поможешь мне, почему же, когда наступил срок казни, ты послал своего сановника обезглавить меня? Пойдем сейчас же к Владыке ада Янь-вану; ты повинен в нарушении обещания. — Говоря это, он все время хватал императора за полы одежды.

Император пытался закричать, но звуки застревали у него в горле. Ему как будто зажали рот, и он не мог произнести ни слова. Он сопротивлялся изо всех сил, тело его покрылось потом. И вот, когда последняя надежда была, казалось, потеряна, в южной стороне вдруг начали клубиться благовонные облака, и в цветах радуги появился образ Бессмертной женщины. Она приблизилась с ивовой веткой в руках, взмахнула ею, и дракон без головы с горькими стенаниями удалился на северо-запад. И кто бы, вы думали, это был? Это была сама бодисатва Гуаньинь, которая по указанию Будды прибыла в Китай для того, чтобы найти паломника за священными книгами. Находясь в храме местного бога города Чанъань, она услышала ночью стенания и явилась, чтобы прогнать дракона и спасти императора. И дракон, сетуя на несправедливость, удалился в царство мрака.

Между тем император наконец очнулся и закричал:

— Привидение! Привидение!

Своим криком он так всех напугал, что императрица, придворные дамы, дежурный придворный евнух, а также остальные обитатели дворца трепетали от страха и всю ночь не могли сомкнуть глаз. Когда наступила пятая стража и три четверти, все гражданские и военные чины собрались у ворот дворца и стояли в ожидании утренней аудиенции. Однако стало уже светать, а аудиенция не начиналась. Все стояли растерянные и напуганные, не зная, что делать. Наконец, когда солнце было уже совсем высоко, вышел посланец и объявил, что так как императору нездоровится, утренний прием отменяется. Прошло несколько дней. Придворные сановники каждый день толпились у ворот дворца, желая узнать о здоровье императора. Затем стало известно, что по приказу императора во дворец вызвали лекаря, и императору было прописано лекарство. У дворца собралась толпа народа, всем хотелось узнать последние новости, и, когда из дворца вышел лекарь, народ тесным кольцом обступил его, наперебой спрашивая о здоровье императора.

— У его величества неровный пульс, — ответил лекарь, — то слабый, то учащенный. Он, как безумный, говорит с привидением. После каждых десяти ударов пульс останавливается. В его внутренних органах уже нет жизненной энергии. Я опасаюсь, что в течение семи дней наступит конец.

Эти слова привели всех в неопиcуемый ужас, все стояли подавленные. Вдруг стало известно, что император вызывает к себе трех высших сановников: Сюй Мао-гуна, Ху Го-гуна и Юй Чи-гуна. Сановники поспешили во дворец и, приблизившись к ложу императора, отдали ему соответствующие почести. Обращаясь к ним, император твердым и спокойным голосом сказал:

— Мои мудрые сановники! С девятнадцати лет я водил свои войска в походы по всем направлениям и участвовал в многочисленных и жестоких боях. И за все это время я никогда не подвергался злomu наваждению духов. А вот теперь мне стали являться привидения!

— За время наших завоеваний, — сказал на это Юй Чи-гун, — вы, ваше величество, погубили немало жизней, почему же именно теперь вы стали бояться привидений?

— Вы не верите мне, — продолжал император. — Но как только наступает ночь, вокруг моей спальни начинают летать кирпичи и черепицы, а духи так пронзительно визжат, что нет сил выносить это. Днем, может быть, не было бы так страшно, но ночью это просто невыносимо.

— Можете быть спокойны, ваше величество, — промолвил тогда сановник Цинь Шу-бао. — Сегодня ночью мы с сановником Ху Цзин-дэ будем охранять ворота дворца и увидим, какой дух беспокоит вас.

Император согласился, а сановники, раскланявшись, удалились. С наступлением ночи два полководца в полном боевом вооружении, с топорами и алебардами в руках, стали на караул ворот императорского дворца.

Золотые шлемы

С блеском отраженным,

Панцири как панцирь

Золотой дракона.

Для защиты сердца

Служит щит могучий,

На железной глади

Отразились тучи.

Поясом узорным

Панцирь стянут ловко;

Крепкие застёжки —

Львиные головки.

Полководец справа —

С фениксовым взглядом.

Небо отвечало

Взгляду звездопадом.

А глаза другого —

С лунною игрою...

Так у врат стояли

Славные герои.

Всю ночь доблестные полководцы стояли у ворот дворца, но так и не увидели никакого привидения. Император же спокойно спал эту ночь, а на утро вызвал полководцев к себе и щедро наградил их.

— Когда у меня началась болезнь, — сказал он им, — несколько дней я был лишен покоя и сна. Сегодня же благодаря вашей могущественной охране я чувствовал себя совершенно спокойно, Идите, отдыхайте, а с наступлением ночи снова встаньте на стражу.

Поблагодарив императора, военачальники удалились. Они несли охрану еще три ночи, и все было спокойно. Тем не менее у императора совсем пропал аппетит, и здоровье его все ухудшалось. Не желая больше утруждать своих военачальников, император вызвал их, а также Ду Ю-фая и Фань Сюань-лина, к себе и сказал им:

— Последние дни я чувствую себя лучше, однако мне неудобно больше утруждать военачальников Цинь Шу-бао и Ху Цзин-дэ, заставляя их по ночам охранять ворота. Найдите искусных художников, пусть они сделают точные изображения полководцев и прикрепят их к воротам дворца. Это избавит их от излишнего труда. Что вы скажете об этом?

Воля императора была выполнена: два художника нарисовали точные копии полководцев, причем изобразили их в том облачении, в котором они несли стражу в предыдущие ночи. Эти изображения прикрепили к воротам дворца, и ночь прошла без всяких происшествий.

Однако через несколько дней грохот и шум по ночам стали раздаваться у задних ворот дворца, и снова в воздухе летали кирпичи и черепицы. На утро император вызвал к себе сановников и сказал:

— На наше счастье, вот уже несколько ночей у передних ворот дворца все спокойно. Но, к сожалению, сегодня ночью шум и беспорядки произошли у задних ворот. И это вселяет в сердце тревогу.

Тут вперед выступил сановник Сюй Мао-гун.

— Когда было беспокойно у передних ворот, — молвил он, — на охрану их стали полководцы Ху Цзин-дэ и Цинь Шу-бао. Пусть же сейчас охрану у задних ворот возьмет на себя Вэй-чжэн.

Император согласился и приказал Вэй-чжэну нести в эту ночь охрану задних ворот. Выполняя волю императора, Вэй-чжэн в полном боевом снаряжении с мечом, которым он казнил дракона, стал на стражу у задних ворот дворца. Вид у него был поистине воинственный и геройский:

Была в повязке черной
Голова,
И ветер забирался
В рукава;
Из шелка был
Халат широкий сшит,
И пояса
Поблескивал нефрит.
Чернели туфли
На его ногах,
Держал он грозно
Острый меч в руках.
Вэй-чжэн со всею зоркостью
Глядел,
Злой дух к нему приблизиться
Не смел
Так напрягал и зрение он
И слух,
Что никакой ни смел явиться
Дух.
Уж ночь прошла, и наступил
Рассвет;
Явлений духов не было
И нет.

Однако императору становилось все хуже. И вот как-то раз по повелению императрицы был созван совет сановников. Они должны были обсудить вопрос об устройстве императорских похорон. Сам император вызвал к себе сановника Сюй Мао-гуна и объявил ему свою волю точно так, как в свое время Лю Бэй. После этого императора обмыли, облачили в чистые одежды, и он лежал, ожидая своей кончины.

Но тут выступил вперед сановник Вэй-чжэн. Приблизившись к императору, он коснулся края его одежды и произнес:

— Не тревожьтесь, ваше величество, я знаю, как продлить вашу жизнь на долгие годы.

— О чем ты говоришь, — промолвил император, — ведь я чувствую, что болезнь проникла в костный мозг и ощущаю дыхание смерти. Как же можно спасти меня?

— У меня есть письмо, которое вы возьмете с собой в царство мрака и передадите там судье Цуй Цзюе.

— А кто такой Цуй Цзюе? — спросил император.

— Он был сановником при дворе основателя нашей династии — отвечал Вэй-чжэн. — Вначале он служил начальником области Цзы-чжоу, а затем возвысился до поста распорядителя церемоний. Мы были с ним в самых близких и дружественных отношениях. Когда он умер, в царстве мрака ему поручили ведать книгами суда смерти. Я часто вижу его во сне. И вот, если, отправляясь туда, вы возьмете мое письмо, и передадите ему, он из уважения ко мне освободит вас и поможет вернуться обратно. Он сделает так, что ваша душа возвратится в этот мир, вы снова будете в столице и вернетесь на императорский трон.

Выслушав это, Тай-цзун взял письмо и положил его в рукав. После этого он умер. Императрица, наложницы, а также все придворные чины, военные и гражданские, оплакивали императора с примерным благочестием. Тело его перенесли в Зал белого тигра и говорить об этом мы больше не будем.

О том же, вернулась ли душа в тело императора, вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/286397>